

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ - ЯЗЫК ВЕРЫ И МОЛИТВЫ

М.Л. Ремнева, В.С. Савельев, И.И. Филичев. Церковнославянский язык. Грамматика с текстами и словарем. М.: Издательство МГУ, 1999. 232 с.

В последнее десятилетие многие люди почувствовали отрядную необходимость в изучении церковнославянского языка – богослужебного языка Русской Православной Церкви, языка веры и молитвы. Естественно, что появилось немало учебной литературы по данной дисциплине: это и репринтные издания, и работы современных ученых.

Среди различных пособий по церковнославянскому языку достойное место со временем займет учебник «Церковнославянский язык. Грамматика с текстами и словарем» М.Л. Ремневой, В.С. Савельева, И.И. Филичева. Эти авторы по праву считаются компетентными, авторитетными специалистами в области истории русского языка, славистики и общего языкознания. И их труд в целом соответствует высоким требованиям, которые всегда предъявлялись к учебной литературе, выпускаемой в МГУ.

В аннотации к пособию говорится о том, что оно рассчитано на широкую аудиторию: «Книга предназначена для тех, кто стремится познакомиться с грамматикой церковнославянского языка, научиться понимать тексты современных церковных книг. При изложении использована научная терминология, приближенная к системе современных представлений, данных в школьных учебниках по русскому языку» (с.2). Однако даже при беглом ознакомлении с книгой становится ясно: она написана на уровне добротного вузовского учебника для филологических факультетов, тогда как имеющаяся учебная литература по указанной дисциплине, несмотря на свою безусловную ценность, ориентирована на не-специалистов, не-филологов, не-богословов, то есть на людей, знакомых с языковедческими терминами, действительно, лишь в рамках школьной программы, что неизбежно влечет за собой схематизм в подаче материала.

Выход в свет учебника, который отвечает стандартам лингвистических предметов в высших учебных заведениях, вселяет надежду на то, что внимание к церковнославянскому языку – как к учебному курсу, так и к научной дисциплине – будет неизменно возрастать и это самым благоприятным образом скажется на его популяризации и укреплении в наше беспокойное время духовных и лингвистических нестроений.

Учебник М.Л. Ремневой, В.С. Савельева, И.И. Филичева имеет следующую структуру: авторское предисловие, обширное введение, графико-орфографический блок, грамматический (морфологический и синтаксический) курс, небольшая хрестоматия и словарь.

В предисловии описана композиция учебника, его методологическая база, а также обосновано оперирование современной лингвистической терминологией. А самое главное – в нем дано определение церковнославянского языка с точки зрения происхождения, панхронических и исторических характеристик, которое, однако, «разлито» по тексту, а не оформлено в обособленную дефиницию¹.

Помимо традиционных для церковнославянских грамматик сюжетов о научно-просветительской и миссионерской деятельности святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, об истории создания славянских азбук, числовых значениях букв и диакритических знаках («Деятельность славянских Первоучителей» (с.20-22), «Славянские азбуки. История» (с.24-28), «Числовые значения букв» (с.28-30), «Надстрочные знаки (диакритики)» (с.30-31) – о них речь пойдет ниже, – вводная часть учебника содержит чрезвычайно важный раздел «Церковнославянский язык на Руси (XI-XVII вв.)» (с.10-20). В нем впервые в систематическом виде пространно изложена теория церковнославянского языка как языка литературного.

Судя по заданным хронологическим рамкам (XI-XVII века), речь идет о литературном языке донационального периода, который, по мнению авторов,

¹ Синтетическое определение-описание церковнославянского языка сформулировано Е.М. Верещагиным (*Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. С.298, 312*).

имел несколько основных признаков: нормированность, кодифицированность, полифункциональность, стилистическую дифференциацию, противопоставленность языку бытового и делового общения (с.10).

Под полифункциональностью понимается обслуживание языком разных потребностей культурной жизни восточных славян. Церковнославянский язык с самого начала своего существования становится прежде всего языком богослужения и богослужебных книг. До XVII века он был также и языком науки. Церковнославянский язык уже с X столетия оказывается и языком переводов, осуществляемых на Руси. А примерно с XI века возникает оригинальная (непереводная) древнерусская литература, в которой культивируются многочисленные жанры, причем как пришедшие вместе с византийской литературой, так и родившиеся на восточнославянской почве (среди переводных произведений нет, например, аналога русским летописям) – и все эти тексты написаны по-церковнославянски.

Стилистическая дифференциация главным образом сопряжена со степенью проникновения в произведения элементов разговорного древнерусского языка, которая была различной и зависела от грамотности и начитанности писца, от жанра, содержания текста, от того, была ли рукопись копией со старославянского источника или представляла собой оригинальное сочинение русского книжника: так, «в списках со старославянских оригиналов элементы древнерусского языка отражались слабее, чем в оригинальных произведениях» (с.12); «в церковно-богослужебных текстах, в торжественных словах, проповедях элементы книжного, старославянского, языка строго соблюдались русскими книжными людьми, в произведениях же, ближе стоявших к общественно-бытовой жизни, в летописях и в особенности в деловых документах более значительными были элементы бытовой русской речи» (с.12).

Что касается нормы, то в церковнославянском языке донациональной эпохи сосуществовали два ее варианта, которые закономерно представлены в памятниках разных жанров, – строгая и сниженная: «Первая характеризуется

последовательным отталкиванием от восточнославянских элементов, а вторая допускает достаточно широкое проникновение черт древнерусского (восточнославянского) языка, которые оказываются не случайными элементами, а существуют в языке в качестве допустимых вариантов, равноправных церковнославянизмам» (с.12).

Обращаясь к кодификации церковнославянского языка, составители учебника отмечают следующее: долгое время единственным ее механизмом являлись так называемые «образцовые» тексты. Репрезентация каждого типа нормы обуславливалась и поддерживалась определенным типом «образцовых» текстов, которые влияли на строгость требований, несли в себе высокую степень императивности и характеризовались общественным признанием, опиравшимся на традицию.

Первые сводные грамматические пособия по церковнославянскому языку появились в Юго-Западной Руси в конце XVI – начале XVII веков, что связано с зародившимся именно там книгопечатанием, бурной научно-просветительской деятельностью братских школ, а самое главное – с происходившей активной борьбой с католическим засильем.

В предисловии кратко охарактеризованы такие ключевые учебно-теоретические труды по лингвистике, как Букварь Ивана Федорова (1584), Словеньска грамматика (1586), Адельфотис (1591), Грамматика Лаврентия Зизания (1596), Грамматика Мелетия Смотрицкого (1619), московское издание Грамматики М. Смотрицкого (1648).

Затронули авторы и Российскую грамматику М.В. Ломоносова, в которой заложена теоретическая основа для замены литературного языка с церковнославянского на русский.

В роли примеров нормирования и кодификации церковнославянского языка выступают сведения о редакциях Жития Михаила Клопского, а также об употреблении двойственного числа, разветвленной системы прошедшего времени в разных памятниках церковнославянского языка. Все эти факты, безусловно,

важны и интересны в лингвоисторическом аспекте. Однако в рамках вводной части они не могут быть поняты в полной мере, а потому воспринимаются как вставные очерки, которые значительно «утяжеляют» изложение. Думается, что данные сведения органично вписались бы в основной корпус учебника.

Все сказанное в предисловии обобщается следующим образом: «Церковнославянский язык русской редакции на протяжении восьми веков был на Руси литературным языком, реализовавшимся в памятниках разных жанров, существовавшим в ряде вариантов; он являлся элементом русской культуры, это был язык, на котором говорила на Руси церковная и светская мысль. С XVIII в. церковнославянский язык становится только языком церкви» (с.20).

При обилии фактического материала и композиционной стройности авторы не дают, однако, определения таким существенным для концепции литературного языка понятиям, как *норма*, *кодификация*² и др.

И вообще пособие страдает от одного общего недостатка. В большинстве случаев, как уже указано, используется современная лингвистическая терминология, но иногда, пытаясь облегчить (чаще всего – неоправданно) изложение, составители не используют специальную научную лексику, что создает впечатление нежелательной упрощенности, а не желаемой простоты. Судя по всему, это сказалось, например, на отсутствии полной терминологической и понятийной ясности в отношении *старославянского*, *древнецерковнославянского*, *новоцерковнославянского*, *современного церковнославянского языков*, не заданы и их временные рамки, что совершенно недопустимо в учебной литературе (другие примеры см. ниже).

В вопросе о славянских азбуках авторы рецензируемого учебника придерживаются наиболее распространенной в современной науке точки зрения о первичности глаголицы³: «Вероятно, первоначально «кириллицей» называлась глаголица, что и отражало ее связь с деятельностью славянского Первоучителя.

² Определения нормы и кодификации, а также анализ их механизмов можно найти, например, в: *Ицкович В.А.* Языковая норма. М., 1968.

³ Разнообразные версии о порядке появления двух славянских алфавитов кратко охарактеризованы, например: *Иванова Т.А.* Старославянский язык. СПб., 1998. С.30-31; *Камчатнов А.М.* Старославянский язык. М., 1998. С.17.

Позднее имя создателя славянской азбуки оказалось связанным с наиболее распространенной среди славян новой азбукой, поскольку само имя Константин (Кирилл) славянами воспринималось как имя создателя славянской азбуки вообще» (с.25).

Сравнение двух славянских азбук удачно отражено в таблице «Кириллическая азбука в сопоставлении с глаголицей (со звуковыми и числовыми значениями букв)» – с.26-27.

Безусловно, пространственная подача любого, даже самого сложного материала значительно облегчает его восприятие, в чем можно убедиться на примере числительных («Таблица количественных и порядковых числительных» – с.68-69).

Графико-орфографическая часть пособия, по образцу классических учебников церковнославянского языка, включает в себя разделы «Гласные звуки и их буквенное обозначение» (с.31-33), «Согласные звуки и их буквенное обозначение» (с.34-35). В них, конечно, приведены исчерпывающие правила написания кириллических букв. Но по каким-то причинам не введены достаточно удобные термины *дублетные буквы, буквы-дублеты*.

В указанных разделах даются сведения о графической эволюции старославянской азбуки: об изменении начертаний, об исчезновении отдельных графем: ~ (*э-йотированной*), > (*юса малого йотированного*), \ (*юса большого йотированного*) и нек. др. Однако утверждение, что буква @ (*юс большой*) вовсе исчезла из употребления (с.31), неверно. Она встречается как ключ границ Пасхалии. *Юс большой* стоит тогда, когда Пасха приходится на 24 апреля/ 7 мая.

Не связанными с контекстом, излишними оказываются сведения об артикуляционных и акустических свойствах согласных звуков (с.34), тем более что для гласных звуков подобная характеристика не приводится.

Своей информационной насыщенностью и структурированностью выгодно – от соответствующих параграфов в других пособиях – отличается раздел «Звуковые особенности современного церковнославянского языка в

сопоставлении с современным русским» (с.36-37). Но его еще более обогатило бы введение таких терминов, как *коррелятивные (соответственные) формы, маркированные церковнославянизмы, маркированные русизмы*.

Ощутима потребность и в понятии о *праславянском языке* как гипотетическом предке славянских языков. Это избавило бы данный раздел, как, впрочем, и весь учебник, от недомолвок и нарочитой нетерминологичности.

Морфологический блок (с.38-96) учебника по традиции состоит из последовательного анализа основных частей речи. Имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, наречие, предлог, союз, междометия – с разной степенью подробности – характеризуются с точки зрения их категориальных свойств, семантики, синтаксических функций, словообразовательных особенностей, деклинационной специфики.

Как отмечено в авторском предисловии, изложение грамматической системы, которая отражается в современных богослужебных книгах, «базируется на постоянных экскурсах в историю церковнославянского языка» (с.5). С этим закономерно связано и следующее отличительное свойство учебника М.Л. Ремневой, В.С. Савельева, И.И. Филичева: в нем при описании частей речи всегда указываются морфологические варианты и причины их возникновения. Такая отчетливо звучащая «вариативная нота» позволяет проследить («услышать») эволюцию церковнославянских форм, пути развития и преемственность элементов языковой системы на диахронической оси. См., например, историю существительных 1 склонения, куда входят слова исторически, в праславянскую эпоху, принадлежащие к четырем формоизменительным типам (*ǫ, *ī, *ŭ, консонантное склонения), чем и объясняется сосуществование в отдельных падежах нескольких флексий (с.41-42).

Однако по морфологическим разделам необходимо привести ряд критических замечаний.

Наверное, самым главным недостатком, о котором уже упоминалось, но который наиболее ярко проявляет себе именно при описании частей речи, надо считать непоследовательность в употреблении терминов.

Так, под «старыми основами» существительных (с.39, 43, 44, 45) подразумеваются не старославянские, как ошибочно следует из контекста, а праславянские основы, которые оканчиваются на тематические гласные *ā, *ǫ, *ī, *ŭ, *ū и на согласные звуки.

В терминологический аппарат книги могли бы быть безболезненно введены термины *нетематические глаголы, неправильные глаголы, глаголы архаического спряжения*. Речь идет о пяти глаголах, у которых особые личные окончания присоединяются непосредственно к корню без соединительных, тематических, гласных: áxǫè, äaǫè, &ñǫè, âmǫlǫè, Vǫaǫè.

О *супплетивизме основ* говорится только в применении к личным местоимениям: Aǫí - ïǫíQ (с.49), хотя и отмечается, что некоторые прилагательные образуют формы степеней сравнения также от разных основ: áëäǫé - 4 ííé, 4 í øíé и т.п. (с.59).

О таком процессе, как *стяжение во флексиях прилагательных и глаголов*, чрезвычайно важном для генезиса церковнославянской, древнерусской, а также современной диалектной морфологии, упоминается глухо, мельком: «В результате действия различных фонетических процессов (уподобления и стяжения гласных: äoáǫà~ǫí> äíáǫàäǫí> äíáǫàǫí) установились следующие парадигмы формоизменения полных прилагательных с твердым и мягким согласным основы (с.54); «В старых церковнославянских текстах мы находим так называемые «нестяженные» формы имперфекта: суффикс –hǫǫ- в глаголах с основой на согласный: ígñhǫó (ср. стяженная форма – ígñ#ǫó)...» (с.79)⁴.

Подобного разнобоя и недоговоренностей в учебных пособиях быть не должно.

⁴ О стяженных и нестяженных формах прилагательных и глаголов в старославянских памятниках см., например: Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1986. С.170, 202-203.

Рецензируемая книга, без сомнения, страдает от того, что в ней не используется термин *палатализация*, который просто необходим при анализе чередований в словоформах. Палатализация – это подъем средней части спинки языка к твердому нёбу⁵. В церковнославянских грамматических формах находят отражение рефлексy (результаты) четырех основных палатализаций согласных (первой, второй, третьей, йотовой)⁶, которые произошли еще в праславянском языке, время существования которого условно ограничивается 3 тыс. до н.э. – 6-7 вв. н.э. Таким образом, во-первых, смягчаются, конечно, не буквы, но звуки, во-вторых, в применении к церковнославянскому языку это уже не живой процесс, а явление морфонологии, когда фонологические различия используются в морфологических целях⁷. Такие неоспоримые факты совершенно не очевидны в следующих контекстах, которые можно найти в учебнике: «Если основа существительного оканчивается на задненебный согласный (ê, ã, õ), то в Д.п. и П.п. ед.ч. и в И.-В. дв.ч. этот задненебный чередуется соответственно с ö, ç, ñ: ñěóãb - ñěóçn, ìlõà - ìlñl, ðóêb - ðóön» (с.43); «Если основа местоимения оканчивается на задненебный ê, ã, õ, то в формах единственного и множественного числа перед ¼ и è происходит чередование с ö, ç, ñ...» (с.52); «В глаголах с основой, оканчивающейся на -ã, -ê, -õ, происходит чередование ê//ö, ã//ç, õ//ñ...» (с.83).

Авторы учебника считают, что выделение четырех склонений существительных – их оригинальное открытие. Это не соответствует действительности, ибо анализ четырех субстантивных деклинационных типов является обычным для большинства церковнославянских грамматик⁸.

Неверно с исторической точки зрения объяснен тот факт, что у большинства существительных 4 склонения основа косвенных падежей длиннее

⁵ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.357.

⁶ Развернутое описание праславянских палатализаций и их следствий можно найти в: Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1986. С.79-84, 103-108.

⁷ Подробнее см., например: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.315-316.

⁸ Иеромонах Алипий (Гаманович) Грамматика церковнославянского языка. М., 1991. С.51-55; Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. М., 1996. С.71-74; Миронова Т.Л. Церковнославянский язык. М., 1997. С.66-71 и мн. др.

основы прямых падежей (именительного и винительного). Никакого «приращения» (с.46), которое предполагает что-то искусственное, привнесенное извне, чужеродное, здесь нет и никогда не было. Просто в праславянском языке для многих основ на согласные звуки было характерно чередование гласных в древнем суффиксе: так, например, основы на *-ěs в именительном и винительном падежах единственного числа имели суффикс *-ōs: *tělōs > òměî в отличие, например, от родительного падежа *tělēsēs > ò l'ěāñq и т.п.⁹.

Зачастую в парадигмах приводятся неточные окончания. Краткие формы сравнительной степени в именительном падеже имеют не указанные составителями окончания -iè, -¼é (м.р.), -ā, -üøā, -¼ā, -¼éøā (ср.р.), -(ü)øè, -¼éøè (ж.р.) – с.58-59, а Ø (м.р. – ãë1áëiè, áîãàðmé), Ø, -ā (ср.р. – ãë1áëā, ãë1áëüøā, áîãàðméøā), -è (ж.р. – ãë1áëüøè, áîãàðméøè), обусловленные спецификой праславянского образования компаратива¹⁰.

Неудачно графическое оформление парадигмы настоящего времени глаголов (с.72), так как смешиваются представления об основе настоящего времени с диахронной и синхронной точек зрения и о первичных личных флексиях праязыка и церковнославянских окончаниях¹¹.

При описании синтаксиса (с.97-107) использован принцип от содержания к форме, то есть «от значения к выявлению синтаксических средств оформления грамматических значений» (с.5). Такой подход в применении к церковнославянскому языку достаточно необычен и может считаться новаторским. Дело в том, что методика «от содержания к форме» является базовой для популярного ныне семантического синтаксиса (традиционный – структурный, формальный – синтаксис в анализе языковых фактов, напротив, идет от формы к содержанию). Семантический синтаксис изучает механизмы формирования смысла высказываний, а также их отношение к обозначаемой

⁹ Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1986. С.144.

¹⁰ Там же. С.171-174.

¹¹ Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1986. С.187-189.

ситуации¹². Разумеется, что данные принципы применимы прежде всего к разговорным, полифункциональным языкам, к коим церковнославянский – книжный по происхождению язык богослужений и богослужебной литературы – не относится.

Авторы учебника на основе анализа обширного фактического материала приходят к такому выводу: «Синтаксис текстов современных богослужебных книг свидетельствует о достаточно строгом сохранении и продолжении в позднем церковнославянском грамматических норм древнецерковнославянского языка: из старых текстов пришли средства оформления условных, временных, целевых, императивных и других отношений» (с.5-6). Так, устойчивым средством оформления временных отношений является оборот «дательный самостоятельный» (с.100-102). В учебнике рассмотрена его эволюция, соотношение с греческой конструкцией «родительный самостоятельный», структурные компоненты, «высокая» сфера употребления, способы перевода, зависимость семантики от широкого контекста и т.д. и т.п.

В пособии затрагивается и чрезвычайно интересный, малоизученный вопрос о жанровой маркированности синтаксических конструкций: к примеру, обороты, выражающие условные значения, отмечаются, как правило, в правовых документах (с.105-107).

После основного теоретического курса в учебнике помещены тексты. Это фрагменты из Евангелия от Матфея и Псалтири. Они предназначены для чтения, перевода, грамматического, историко-лингвистического, сравнительно-сопоставительного, контрастного и др. анализа (с.108-109).

В заключение учебника помещен достаточно объемный словарь (с.126-228), в который вошло около 3000 статей. В их основе лежит лексика Псалтири и Четвероевангелия, выбор которых объясняется особой популярностью этих частей Библии (с.6).

¹² О семантическом синтаксисе см., подробнее, например: *Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса. М., 1974; *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.

Тип словаря определяется как толковый и исторический (с.6). По поводу первого определения не возникает никаких сомнений. В словаре объясняются – толкуются – номинативные, прямые, и производные, переносные, значения слов церковнославянского языка, а также сообщаются сведения орфоэпического, грамматического характера (часть речи, род, тип склонения и основы, вид спряжения и проч.). В статьи включены только те единицы и лексико-семантические варианты, которые либо отсутствуют в современном русском языке, либо иначе толкуются, либо, хотя и сосуществуют в обоих языках, имеют грамматические особенности. В конце указываются глава, номер псалма и стих, в которых «данное слово употребляются в данном значении» (выделено авторами учебника. – Л.М.): *äğ ì ú* (сущ., м.р., тверд. тип I скл., -ä/-ó, -è/-îââ) 1) дом, жилище (Мт 13, 57); 2) семья, домашние (И 4, 53); 3) род (Л 1, 33) – с.143; *ï îât òè* (глагол., сов.в., *ï îâi7*, -рøè (Р – *есть широкая* – написана неверно. – Л.М.), I спр.) спеленать (новорожденного) (Л 2, 7) – с.181; *òg÷ip* (нареч.) только (Мт 5, 13) – с.216.

Надо указать на то, что причастия, субстантивированные прилагательные и причастия лексикографируются отдельно: *ñâ#òхé* (*ñjхé*) (субст. прил., м.р., склон. по парадигме полн. прил. м.р., -ââw, -iè) святой (Псал. 33, 10) – с.203; *áûâââ ì îâ* (субст. прич. ср.р., склон. по парадигме полн. прил. ср.р., -ââw, -â#) то, что происходит, происходящее (Л 22, 49) – с.130; *Vñïgëíü* (прич. страд. прош. от глаг. *Vñïgëíèdè*) полный, наполненный (И 2, 14) – с.153.

Атрибуция же приведенного в пособии словаря как исторического весьма дискуссионна, ибо историческими называются два вида словарей: 1) словари, в которых дается история слов на протяжении заявленного промежутка времени; 2) словари, в которых толкуются слова, употребляющиеся в письменных памятниках прежних эпох¹³. Ни по одну из этих рубрик словарь, представляющий лексико-семантическую и морфологическую системы, которые отражаются в

¹³ Типология словарей приведена, например: *Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания.. М., 1993. С.209-215.*

современных богослужебных книгах, не попадает. Вероятнее всего, авторы использовали определение «исторический» из-за того, что церковнославянский язык, утратив ряд своих функций, перестав быть литературным, в настоящее время не имеет устной, разговорной формы и относится по существующим научно-материалистическим классификациям к мертвым языкам. Согласиться с такой точкой зрения, конечно, нельзя, потому что «церковнославянский язык – живой язык, язык Православной Руси – Святой Руси. Он остался живым для всех подлинных чад Церкви и после возникновения русского литературного языка. Самый русский литературный язык своей неизменной подпочвой имел церковнославянский, и отрыв от этой почвы обрекает его на гибель – в былом его качестве Великого языка»¹⁴.

Словарь, пожалуй, имеет единственный недостаток, который характерен для всего пособия в целом: в отдельных словах пропущены обязательные для церковнославянской графики ударения и неправильно написаны буквы: Аùå áû âmääëú âĩñĩîâtíú ôðàìtíû, âú ê°é ÷añú òàòú ìðitääòü, áämëú **4 áî** áû, V íå äaëú îîâêîîaòè äî2 ñâîâY (с.81); çpìñòié – с.149, ìpñêú (с.161), ìlòèîâèàøpííå (с.197), Óääðæaòè – с.219; &êîæå – с.228 – в словах, выделенных курсивом, отсутствует ударение, в словах, отмеченных полужирным курсивом, – звательце; в подчеркнутых словах нужна *есть узкая*, а не *есть широкая*, употребляющаяся только в начале слова и во флексиях некоторых грамматических форм¹⁵; первая буква в слове **4 áî** не ѣ – *он широкая*, а диграф îó – *оник*.

Разумеется, словарь, равно как и хрестоматия, имеет самостоятельную ценность и, по справедливому мнению его составителей, может быть использован «в учебных целях, для чтения Псалтири и Четвероевангелия, а также других памятников церковнославянского языка» (с.7).

¹⁴ Славянский язык – язык Церкви и молитвы// Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. М., 1999. С.218-219.

¹⁵ Правила написания *есть широкой* - ѧ - приведены в учебнике В.И. Супруна (*Супрун В.И. Учебник церковнославянского языка*. Волгоград, 1998. С.28).

Таким образом, учебник «Церковнославянский язык. Грамматика с текстами и словарем» М.Л. Ремневой, В.С. Савельева, И.И. Филичева следует расценивать не только как в основном удачное, выполненное на современном теоретическом и прикладном уровне изложение наиболее значительных фрагментов языковой системы. Данное пособие должно положить начало серьезной и качественной учебно-методической литературе по церковнославянскому языку для высших – духовных и светских – учебных заведений.

Л.И. МАРШЕВА,
кандидат филологических наук.